

Цзян Шоуянь вышел из душа, вытирая мокрые волосы накинутым на голову полотенцем. Сделав пару шагов, он снова увидел розу на прикроватной тумбочке. Он помедлил, стащил полотенце, повесил его на вешалку, после чего взял розу и сел на край кровати.

В комнате горел только ночник. Цзян Шоуянь не любил слишком яркий свет, и в тусклом жёлтом сиянии деревянная роза словно ожила. Он бережно провёл пальцами по лепесткам и стеблю. Чэн Цзайе вырезал её сам. Работа была искусной: дерево отполировано до идеальной гладкости, а края лепестков тронуты краской — нежно-розовой, почти невесомой. От цветка исходил едва уловимый аромат. Цзян Шоуянь не мог понять, чем именно пахнет, но запах навевал спокойствие — должно быть, обладал лёгким седативным эффектом.

Оставлять такую вещь просто лежать на тумбочке казалось кощунством. Вспомнив слова Чэн Цзайе о том, что в доме есть всё необходимое, Цзян Шоуянь поднялся, чтобы найти подставку для ручек или другое подобие вазы.

В одном из шкафов он обнаружил белую полую подставку, расширяющуюся кверху — не то основание, не то плафон маленького светильника. Поместил туда розу и водрузил конструкцию рядом с настольной лампой, поближе к подушке. Посмотрев на неё какое-то время, почувствовал, что впадает в дрему, и отправился на кухню за выпивкой. Распахнув холодильник, он на мгновение замер — тот был забит под завязку. Конечно, это дело рук Чэн Цзайе: в последнее время тот под любым предлогом заходил приготовить еду и успел закупить целую гору продуктов.

Цзян Шоуянь осмотрел полки, но спиртного не нашёл — видимо, сам забыл купить. Память в последнее время подводила его, да и шевелиться особо не хотелось. Единственные живые, яркие воспоминания, которые всплывали в голове, неизменно были связаны с Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь закрыл холодильник и вернулся в постель. Он пролежал так неизвестно сколько, выяснив, что на потолке ровно сто тридцать две бабочки, и трижды пересчитав их. Снова сел. Ночь была глубокой, шум прибоя смешивался с тусклым жёлтым светом далёких фонарей. Цзян Шоуянь прислонился к подоконнику и закурил. Сквозь кольца дыма он отрешённо созерцал розу у изголовья.

— Цзян Шоуянь! Цзян Шоуянь!

Ему почудилось, будто кто-то вполголоса зовёт его. Цзян Шоуянь стряхнул пепел, не придав этому значения, — списал на галлюцинацию от долгой бессонницы.

— Райли! — голос зазвучал громче и показался до боли знакомым.

Цзян Шоуянь вздрогнул и обернулся. Внизу, под светом уличного фонаря, стоял Чэн Цзайе. Он помахал ему рукой, а затем потряс в воздухе мобильным телефоном. Поняв намёк, Цзян Шоуянь слез с подоконника и взял с кровати телефон. Стоило ему сжать аппарат в руке, как экран вспыхнул: пришло новое сообщение от Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь сразу открыл его.

Чэн Цзайе: «Мне что-то не спалось, поэтому приехал пораньше».

Цзян Шоуянь вернулся к окну. Со второго этажа он отчётливо видел синевато-белый отблеск экрана на лице мужчины. Тот стоял выпрямившись и, сосредоточенно опустив голову, печатал ответ.

Чэн Цзайе: «Тебе тоже не спится?»

Цзян Шоуянь встретился взглядом с Чэн Цзайе, который в этот момент посмотрел вверх, отвёл глаза и начал набирать текст. Телефон завибрировал.

Цзян Шоуянь: «Угу».

Чэн Цзайе улыбнулся, убрал телефон и сделал ещё несколько шагов вперёд, остановившись прямо под фонарём. Расстояние между ними сократилось до минимума. Чэн Цзайе замер и в тусклом жёлтом свете поднял голову.

— Цзян Шоуянь, — ветер донёс его приглушённый голос, похожий на сон, от которого невозможно очнуться. — Может, отправимся прямо сейчас?

Предрасветный Лиссабон встретил их прохладой. Цзян Шоуянь накинул лёгкую куртку поверх футболки и теперь, прислонившись к спинке пассажирского сиденья, наблюдал за спящим городом. Машина выехала на Мост 25 апреля. Свет фонарей ритмично скользил по лицу Цзян Шоуяня. Он немного поправился, щёки уже не казались такими впалыми, как раньше. Чэн Цзайе этому искренне радовался. Он сказал:

— Если хочешь, можешь ещё подремать. Мы едем на смотровую площадку в Старом городе, от Кашкайша путь неблизкий. Когда приедем, я тебя разбужу.

Цзян Шоуянь не чувствовал сонливости. Он выпрямился в кресле:

— Правда разбудишь? Не побоишься побеспокоить, видя, что я крепко сплю?

— Тогда у меня появился бы повод пригласить тебя ещё раз, — воодушевился Чэн Цзайе, полушутя-полусерьёзно добавив: — Так может, всё-таки поспишь? Я вожу очень плавно, сиденье удобное — обещаю, ничто тебя не потревожит.

Чэн Цзайе мельком взглянул на спутника: Цзян Шоуянь едва заметно улыбнулся, глядя на дорогу.

— Мост кажется бесконечным, — произнёс он. Они ехали уже долго, а края всё не было видно.

— Да, — подтвердил Чэн Цзайе. — Этот мост — символ Лиссабона, самый длинный подвесной мост в Европе. Под нами река Тежу, а на берегу стоит статуя Кришту Рей. Сейчас слишком темно, ничего не разглядеть. Со смотровой площадки обзор будет лучше. Лиссабон называют городом на семи холмах, и площадка находится на самом высоком из них — оттуда весь город как на ладони.

— Видеть на ясную голову, как просыпается город — удивительное чувство, — продолжал Чэн Цзайе, — словно наблюдаешь за рождением новой жизни. И это рождение случается каждый день.

Не оказавшись в такой обстановке, невозможно прочувствовать это до конца. Цзян Шоуянь сквозь утренний туман увидел серое небо над вершиной горы. Прохладный ветерок коснулся его висков. Чэн Цзайе, опустив взгляд, спросил:

— Замёрз?

Цзян Шоуянь покачал головой и, облокотившись на перила открытой площадки, стал наблюдать, как медленно разгорается небосвод. Звёзды наполовину померкли, а над горизонтом поплыла нежно-розовая дымка — точь-в-точь как цвет розы у его изголовья. Вскоре розовый сменился золотом, которое становилось всё ярче, разливаясь по небу, переходя в оранжевый, а затем в алый. Над морской гладью промелькнул чёрный силуэт птицы, Цзян Шоуяню почудилось, будто он слышит крик чайки. В этом чистом звуке над краем моря показалась золотая кромка солнца. Он услышал за спиной восторженные вздохи — на португальском, английском и на языках, которых он не знал. Все эти люди собрались на площадке, полные ожиданий, чтобы встретить рассвет.

Наконец небо окончательно посветлело. Солнце ласково озарило бескрайнее море, тихую гавань, красные черепичные крыши и разноцветные стены. Оно осветило сине-белую плитку азулежу, в которой застыли отзвуки великих эпох. Весь этот город на семи холмах — похожий то ли на увядающую красавицу, то ли на ожившую сказку, — предстал перед ними во всей красе.

Цзян Шоуянь вдруг осознал, что именно Чэн Цзайе имел в виду под словом «рождение». Голоса вокруг становились всё громче. Кто-то, прислонившись к парапету, заиграл на гитаре и запел весёлую португальскую песню. Сквозь мелодию Цзян Шоуянь услышал голос Чэн Цзайе:

— Лиссабон — город, познавший и великую славу, и страшные беды. Когда-то он был отправной точкой Великих географических открытий, а потом мощное землетрясение превратило его в руины, ознаменовав начало упадка. Но город не сдался. Пусть старый и местами обветшалый, он по-прежнему стоит гордо, запечатлев своё прошлое в этих стенах, в этой плитке. И когда на них падает солнце, они всё так же сияют.

Цзян Шоуянь смотрел на сине-золотую морскую гладь, его мысли были далеко. Чэн Цзайе, склонившись, позвал его по имени. Цзян Шоуянь повернулся. Чэн Цзайе с улыбкой произнёс:

— Bom dia. (Доброе утро.)

Ветер безмолвно перебирал их волосы. Цзян Шоуянь улыбнулся в ответ:

— Bom dia.

Под звуки песни на площадке кто-то начал танцевать. Мужчины, женщины... была там и пожилая пара — они нежно обнимали друг друга, медленно покачиваясь в такт неспешной музыке. Чэн Цзайе какое-то время наблюдал за ними, а потом спросил:

— Потанцуем?

Цзян Шоуянь обернулся и посмотрел на людей, танцующих перед гитаристом. Всё выглядело так весело и непринуждённо — казалось, их ничто не заботит, они просто следуют велению сердца. Цзян Шоуяня с детства учили сдержанности и закрытости, он ещё не был готов к такой дерзости:

— Пожалуй, не стоит. Я не умею.

Чэн Цзайе какое-то время пристально смотрел на него, словно пытался разгадать, что стоит за этим «не стоит»: искреннее нежелание или обычная неловкость. Затем он обхватил запястье Цзян Шоуяня:

— Ничего страшного. Всё равно они тебя не знают.

Цзян Шоуяня вытащили на открытую площадку — он будто внезапно ворвался в иной мир. Проходившая мимо парочка радушно приветствовала их на английском:

— Couple? (Пара?)

Цзян Шоуянь опешил. Чэн Цзайе с улыбкой ответил:

— No, we're friends. (Нет, мы друзья.)

Голубоглазая блондинка понимающе кивнула, но её взгляд, скользнувший по их лицам, говорил о том, что ей трудно поверить в простую дружбу. Она спросила снова:

— Date? (Свидание?)

На Западе некоторые люди проходят через период «дейтинга», прежде чем официально вступить в отношения. На китайском это можно назвать стадией двусмысленности или флирта. Чэн Цзайе посмотрел на Цзян Шоуяня и пожал плечами:

— (Я и сам не знаю.)

Цзян Шоуянь всё прекрасно понял, но сделал вид, что не разобрал слов. Чэн Цзайе одной рукой приобнял его за талию, а другой вложил его ладонь в свою. Он был выше Цзян Шоуяня почти на полголовы и очень нежно смотрел на него сверху вниз.

— Когда я иду вперёд, ты отступаешь назад. Когда я назад — ты вперёд. Это очень просто.

Чэн Цзайе повёл его. Цзян Шоуянь несколько раз наступил ему на ноги, но вскоре поймал

ритм. Весёлая песня всё ещё лилась над площадью, когда он услышал вопрос Чэн Цзайе:

— Можно ли считать это свиданием?

Цзян Шоуянь вскинул бровь:

— Ты же знаешь, что даже «дейтинг» не гарантирует того, что люди будут вместе.

— От твоих слов становится грустно, — отозвался Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь кружился в танце. Перед глазами мелькали улыбающиеся лица, залитые солнцем, а затем его взгляд снова встретился с глазами Чэн Цзайе. Словно по какому-то наитию, он спросил:

— Если мы не будем вместе — ты сможешь это принять?

Для них обоих это было бы лучшим вариантом: какое-то время побыть рядом без обязательств и официальных статусов, а затем разойтись, не чувствуя никакого груза. Он жаждал этой ясности и тепла, которые исходили от Чэн Цзайе, но в то же время понимал, что такого человека невозможно удержать. Что Чэн Цзайе нашёл в нём? Цзян Шоуянь не мог придумать ничего, кроме внешней оболочки. Внутри он безнадежно пуст, в нём нет ничего глубокого, что стоило бы любить или помнить. Поэтому лучше было остановиться на той грани, что ещё допустима, и хотя бы ненадолго удержать в руках это счастье.

Но Чэн Цзайе промолчал. Он стоял спиной к свету, и Цзян Шоуянь не мог разобрать выражение его глаз. Спустя долгое время Чэн Цзайе произнёс, будто в шутку:

— Ты хоть понимаешь, что сейчас прозвучал, как типичный подлец, играющий чувствами?

Цзян Шоуянь застыл, и Чэн Цзайе выпустил его пальцы. Песня подошла к концу, последний аккорд затих в воздухе вместе с вибрацией гитарной струны. Толпа начала постепенно расходиться. Чэн Цзайе, будто и не было того разговора, с улыбкой сказал:

— Пойдём. Спустимся с холма и погуляем внизу. Есть ли место, куда ты хочешь пойти? — спросил он по дороге.

Цзян Шоуяню никуда особо не хотелось. То ли рассвет его потряс, то ли этот короткий танец был слишком радостным, то ли что-то ещё... Он долго не мог прийти в себя.

Мимо них с дребезжанием медленно проехал трамвай. Цзян Шоуянь проводил взглядом жёлтую тень, которая, покачиваясь, скрылась за поворотом рельсов. Чэн Цзайе внезапно схватил его за руку:

— Трамвай!

Тепло его ладони мгновенно передалось Цзян Шоуяню, сердце пропустило удар, и вот уже Чэн Цзайе тянул его за собой, заставляя бежать.

— Есть в этом что-то старомодное, правда? Трудно поверить, что в нашу эпоху всё ещё ходят такие трамвайчики, — сказал Чэн Цзайе, слегка запыхавшись. — Раньше можно было просто бежать за вагоном и запрыгивать на ходу, но сейчас всё иначе. — Он обернулся и улыбнулся Цзян Шоуяню, чуть крепче сжав его ладонь: — Теперь нужно покупать билет.

Они успели запрыгнуть в вагон как раз в тот момент, когда он тронулся с остановки. Чэн Цзайе выудил из кармана несколько монет и бросил их в кассу. В утреннем трамвае было свежо и пусто — не сравнить с толчеей и духотой, что царят здесь днём или вечером.

— Если нет конкретных планов, поедem куда глаза глядят. Маршрут этого трамвая охватывает почти весь город, — непринуждённо заметил Чэн Цзайе. — Цзян Шоуянь, как только увидишь место, которое тебе понравится, — сразу сойдём.

Цзян Шоуянь сидел у окна. Перед ним проплывало величие старой Европы: розовые и жёлтые стены, уличные граффити, ленивый солнечный свет в углах зданий. Чэн Цзайе ездил этим маршрутом бесчётное количество раз, поэтому не смотрел в окно. Он наблюдал за Цзян Шоуянем. Трамвай неспешно катился по переплетению рельсов, увозя двух пассажиров. Раскачиваясь, он словно проезжал сквозь самую историю — старинную и бесконечно долгую.

<http://bllate.org/book/14908/1435477>